

*Сергей Исаев, Наталья Владимирова*  
(*Великий Новгород*)

## ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА: О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ГРЕШНЫХ

---

---



С о 1993 года научные и человеческие контакты связывали нас преимущественно с московско-питерской гуманитарной интеллигенцией, особенно филологической — преподавателями, критиками, переводчиками. Мы жили тогда в Узбекистане и о Владимире Ивановиче Грешных ничего не слышали. Однако эта ситуация в корне изменилась с того момента, когда волею судеб мы оказались в Калининграде, познакомились с коллективом филологического факультета калининградского университета и с самим Владимиром Ивановичем, который открылся для нас не сразу. На первом этапе наших калининградских контактов общение сводилось к рабочим беседам во время проведения ГАК. В этой роли тогда выступил Сергей Георгиевич (Исаев. — *Ред.*). Он руководил ГАК и тесно сотрудничал с деканатом и заведующими кафедрами. Личность Владимира Ивановича и тогда еще не выделилась в нашем мире в четкую и ясно обозначившуюся фигуру. Однако вскоре мы оба активно включились в научную жизнь факультета, и когда на одну из конференций впервые приехала Наталия Георгиевна



(Владимирова. — *Ред.*), вдруг совершенно явно обозначилась ситуация «испытания» — что за тема, что за доклад будет прочитан некой Владимировой Н. Г., будет ли она воспринята просто как «жена Исаева С. Г.» или как самостоятельная самобытная личность. Наталию Георгиевну внимательно слушали все! Но Владимир Иванович — внимал каждому озвучиваемому мотиву незнакомой «доцентом-зарубежницей» особенно живо, и по его непосредственной радостной реакции мы сразу же поняли, что ему услышанное в тот день — понравилось! Подобные мгновения, когда душою слышишь подаваемые сигналы «Ты наш!!!», предопределили главный стержень последующих отношений.

И в самом деле, Владимир Иванович — для нас, а мы для него — оказались «СВОИ»! Нам интересны были его темы, его волновало то, чем занимались мы. Но в нашем общении, которое становилось все заинтересованнее и интенсивнее, выделился один мотив, который был для Владимира Ивановича, видимо, особенно дорог, потому что он его неоднократно подчеркивал. Он часто повторял, что ему тот или иной вопрос важно обсудить с нами как с профессионалами. Именно профпригодность явилась для Владимира Ивановича особым знаком, потому что она была для него синонимом подлинности, пропуском в мир его самых глубоких переживаний, где он открывался для нас не просто хорошим человеком, но человеком СВОЕГО ДЕЛА. Именно об этом свидетельствует небольшой фрагмент из письма Владимира Ивановича Наталии Георгиевне.

«28 мая 2011 года. Дорогая Наталия Георгиевна, я неоднократно пытался пробраться к Вам по скайпу, но он, действительно, наверное, закрывается... Спасибо Вам громадное за отзыв, очень, очень приятно читать такой отзыв. Речь, как Вы понимаете, идет не о благожелательности (хотя это тоже важно), а о высочайшем профессионализме... У меня сегодня была вторая лекция в областной библиотеке, неакадемическая, юбилейная. Все прошло хорошо, очень приятно внимание и понимание обыкновенной интеллектуальной публики. "ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГРЕШНЫХ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, представляет юбилейный курс неакадемических лекций FIO, ERGO NON SUM, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА РОМАНА (апрель — июнь, сентябрь — ноябрь 2011 года)". Это из афиши. Всего Вам доброго, С. Г. привет и вам обоим всякие хорошие пожелания по случаю Дня филолога. И Екат. С. И. привет от Л. В.».



В трудные, смутные 2000-е годы Владимир Иванович был очень собран и целеустремлен. Характерно, что в автобиографии он всего лишь в перечислительном стиле сообщает о колоссально-напряженном пятнадцатилетии следующее:

«В 1991 году в издательстве Ленинградского университета вышла монография "Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления". В издательстве Калининградского университета вышли учебные пособия: "В мире немецкого романтизма. Ф. Шлегель, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне" (1995), "Немецкий романтизм: структура художественного мышления" (2005); монография "Мистерия духа. Художественная проза немецких романтиков" (2001). С 1990 по 2008 год под редакцией В.И. Грешных вышло 10 межвузовских и несколько тематических сборников научных трудов. По инициативе и под руководством В.И. Грешных в Балтийском федеральном университете им. И. Канта прошли четыре межвузовских научных семинара, посвященных творчеству Э.Т.А. Гофмана. С 1990 года является руководителем научных направлений "Проблемы типологии литературы", "Эпоха. Текст. Контекст", в рамках которых проведены международные конференции и семинары по проблемам отечественной и зарубежной литературы».

Итак, в 2001 году у Владимира Ивановича вышла большая монография с характерным названием «Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков», а вслед за этим в МГУ состоялась защита его докторской диссертации «Художественная проза немецких романтиков: формы выражения духа», в которой в полной мере обозначилось его неповторимое научно-исследовательское лицо! Мы сразу же высоко оценили историко-теоретические аспекты книги Владимира Ивановича, стали широко использовать собранные автором «Мистерии духа» материалы о фрагментации, ссылаясь на них в собственных трудах, привлекая внимание студентов к интересным соображениям в лекциях и в работе с аспирантами. Мы не сомневались, что не единственные, кто по достоинству оценит книгу. Когда нам позже удалось поделиться своими оценками с Владимиром Ивановичем, то услышали интереснейший рассказ о защите, который Владимир Иванович неподражаемо передавал в лицах, и самую искреннюю реакцию на то, что в его понимании по-другому и не могло быть. Как и все очень талантливые люди, он одновременно был уверен, что в своей работе о немецких романтиках сделал что-то очень значительное, и в то же время очень нуждался в признании, одобрении, даже просто в комплиментах. Когда он услышал, что его исследовательский труд уже «работает» на учебный процесс, в его глазах засветилась и гордость, и детская радость. «А слышали, — озорно воскликнул он, — как я "заме-



чательно" защищался!!!» И рассказал, как в самый день защиты, направляясь на совет, застрял в московских пробках и как весь совет со знаменитыми на весь мир мужами под командованием председателя совета профессора и заведующего кафедрой зарубежной литературы МГУ Леонида Григорьевича Андреева ждал (ну, разве это не чудо!!!), покуда калининградский мастер с помощью такси и метро явится весь взмыленный, перепуганный и виноватый, чтобы, встав за кафедру перед важным синклитом, с блеском пройти это испытание.

Во второй половине 2000-х годов руководящий коллектив факультета и, конечно, в первую очередь С.С. Ваулина и Владимир Иванович, наладили систематическое проведение замечательных научных конференций и регулярный выход факультетских научных журналов. И те, и другие уже вошли в современную историю литературоведения. На факультете был создан совет по защитам, то есть, в конце концов, сложилась та совершенно необходимая среда, без которой невозможны открытия, ученики и традиции!

Во всех этих начинаниях мы были непременно и желанными гостями-участниками Калининграда и Владимира Ивановича, что давало не только конкретные поводы, но и живой материал для нашего тесного общения. Мы жадно выслушивали выступления Владимира Ивановича, а он наши на пленарных и секционных заседаниях, несмотря на то, что знали их содержание еще до озвучивания. Владимир Иванович любил «проверять» свои гипотезы через реакцию тех, кому он доверял, и мы иногда «часами» беседовали по скайпу, а в других случаях были первыми читателями только что написанных им текстов, присланных с просьбой откликнуться на них. Так было с его замечательной статьей о коммуникативном безмолвии. Аналогичный сюжет закрутился и вокруг его статей о древнерусских повестях, в частности по поводу его искрящегося эссе, посвященного «Повести о Петре и Февронии». Что здесь любопытного! Мы были в восторге от статьи о коммуникативном безмолвии, что не помешало нам «разрешиться» по ее поводу длинными посланиями с соразмышлениями, не всегда совпадавшими с авторскими. Владимир Иванович все их выслушал с огромным вниманием. Мы целый вечер бурно обсуждали статью по скайпу (а потом и в письменных посланиях). Но в окончательный вариант своей статьи Владимир Иванович, как и большинство щедро одаренных людей, не внес ни одного замечания, не исправил там ни одной буквы. И мы это оценили по достоинству — как продуманность и убежденность в самостоятельной позиции.

Последнее не мешало Владимиру Ивановичу оставаться замечательным редактором. Он по несколько раз перечитывал присылаемый материал, относясь к нему по-хозяйски бережно. Иногда наши статьи



лежали в портфеле редакции по полгода, иногда и более. Но в действительности они просто ждали, потому что у Владимира Ивановича планы вынашивались на многие годы. Рано или поздно материал появлялся, оказываясь всегда на месте! Работая редактором, Владимир Иванович придумывал точные, актуальные и содержательные рубрики, нередко исходя из имеющихся материалов. Поэтому структура выходящих под его патронажем журналов всегда отличалась необычностью и подвижностью, способностью откликаться на живые запросы культуры! Это редкостное явление в журналистике, и потому его не всегда вовремя ценят. Сегодня трудно даже представить, какой огромный объем работы выполнял этот хрупкий и необычайно мужественный человек.

Особая форма общения — юбилеи. Здесь искреннее в общении настолько плотно прикрыто ритуалом, что, порою, и не докопаешься до сокровенного. В 2011 году Владимир Иванович отмечал свое 70-летие. Приехать на торжества, проходившие на разных уровнях, мы не могли. Поэтому и знаем о них лишь по рассказам коллег и учеников Владимира Ивановича. Они прислали нам текст сценария его проведения на кафедральном уровне, где с добрым юмором представляли любимого Шефа, который передвигался уже в коляске, но смотрелся в ней, как на Троне. Разыгранный мини-спектакль в его честь порадовал юбиляра, щедро наделенного чувством юмора. Слышали, что чтение Владимиром Ивановичем отрывков из его собственного романа, запланированное в программе торжеств, огорчило его. Роман не имел успеха. Не в том ли дело, что проза не всегда доступна на слух! Наше участие ограничилось письменным поздравлением, и мы вложили в поздравительный текст всю гамму нашего искреннего отношения к юбиляру. Мы писали, что юбилей только повод для того, чтобы высказать юбиляру «наше повседневное уважение и восхищение всем, что делается» им и связано с его именем. Главное, что нам тогда и сегодня хотелось выделить, это тезис: все, что исходит от Владимира Ивановича: «мысли, чувства, размышления в кругу друзей», все, что им создается: «статьи, книги, живопись, редактируемые издания, все, что связано с его социальным и личным поведением — лекции, руководство кафедрой и аспирантами — все это отличает целостность и подлинность!» Мы искренне писали о том, что нас «удивляет и восхищает» многосторонность юбиляра — «признанного в литературоведческих кругах зарубежника», что его «статьи по русской и древнерусской литературе отличаются свежестью прочтения», что блестящие защиты его учеников — это грани и его неисчерпаемой образованности, а редактируемые и выпускаемые под его руководством издания — представляют высокий уровень издательской деятельности Балтийского



федерального университета! С удовольствием, а не приличия ради приняли деятельное участие в юбилейном сборнике научных работ, посвященных Владимиру Ивановичу. Но даже все это в совокупности лишь в малой степени выразило всю глубину нашего уважения и восхищения, потому что чем затейливее была юбилейная вязь текста, тем труднее было с ее помощью выйти на живое общение.

А Владимир Иванович мог и это! В день 70-летнего юбилея Сергея Георгиевича Владимир Иванович прислал официальное поздравление, в котором нет привычного глянца, но дается настолько точная оценка профессиональных качеств, что исключительно и только благодаря ей ясно и просто воспринимаются основы жизненного ракурса и того, о ком пишут, и того, кто готовил текст. Вот небольшая выдержка из поздравления: «Дорогой Сергей Георгиевич! Я всегда испытываю чувство глубокого профессионального удовлетворения, когда получаю для публикации Ваши материалы. Они интересны своим свежим взглядом на проблемы развития теории и истории отечественной литературы, в них пульсирует мысль открытия деталей, эпизодов, которые оказались не востребуемыми или вовсе забытыми в науке о литературе. Ваши интерпретации текста отличаются научной скрупулезностью и точностью, они позволяют вернуть текст в "русло" текста, сконструировать исследовательское поле, которое вбирает в себя опыт предшественников и позволяет выработать свою стратегию. У Вас есть свой исследовательский профиль, а это представляется мне очень важным в творческой жизни ученого...» Владимир Иванович умел видеть и умел соединять внимание к мелочам с перспективами истории культуры и литературоведения. В том же поздравлении он писал: «Мне весьма приятно отметить, что наше общение выражает более широкий контекст творческих контактов — взаимодействие научных коллективов современных филологов двух крупнейших университетов Северо-Запада России».

Сказать, что Владимир Иванович был бойцом, что он умел отстаивать свои позиции, — значит воспользоваться штампом. Да, он умел доказывать, да, он не отступал от того, во что твердо верил. Но он прекрасно понимал и то, что жизнь всегда «отклоняется», «уклоняется», «уходит» и «отходит», что приспособливаться надо не к обстоятельствам, а к особому устройству бытия с его гибкостью, течениями и перетеканиями из одной ипостаси в другую. Вот почему, говоря о жизненной применимости в судьбе Владимира Ивановича, хочется отметить его бесконечное терпение, выносливость и настоящее мужество!

Это проявлялось и в работе с аспирантами. Постепенно сложилась школа филологов-зарубежников, которые помнили не только все, чему их научил Владимир Иванович, но восприняли от него и отноше-



ние к профессии, и сам стиль интеллигентного общения с коллегами. Они становились его преданными друзьями, чуткими, понимающими и всегда готовыми по первому зову прийти на помощь. Он помнил каждого, с кем прошел этот путь в науку и профессию, но особенно тепло в беседах с нами отзывался об Ирине Валентиновне Егоровой и Ксении Андреевне Прасоловой.

Владимир Иванович был настоящим мастером красноречия, не записным говоруном, а человеком, который обладал непередаваемо-убедительной интонацией. Достаточно было услышать особенный тембр его голоса, чтобы согласиться со всем, что он скажет, еще до полного перечня аргументов. Это особый дар особых людей. Вспоминается семинар сентября 2010 года «Автор и жанр: классика незавершенного диалога». Перед его открытием в полном отчуждении и даже в какой-то растерянности восседали друг перед другом четверо основных участников: знаменитый француз Мишель Деги, витавший в филологической атмосфере Парижа 1960-х годов, свидетель «крушения романа» и начала катастрофической эпохи — постструктурализма и деконструкции (почетный профессор университета «Париж VIII», друг Деррида и главный редактор журнала «Поэзи»), немец Герффрид Хорст — председатель немецкого Общества почитателей философии Канта в Берлине, профессор НовГУ Н. Г. Владимирова, которую волновали поэтологические приключения автора в современном английском романе, и профессор НовГУ С. Г. Исаев, стиснувший в руках распечатку сообщения о масках в сказках В. Одоевского. В аудитории застыла в напряженном ожидании молодая профессура, доценты и любопытная студенческая молодежь с вопросом во взорах: «И что же из этого выйдет?» Но вот появился Владимир Иванович. И сразу же всё и все оказались на своих местах. Владимир Иванович в первых словах остроумно предупредил слушателей о том, что «сегодня мы не сможем обстоятельно ответить на многие вопросы, рожденные заявленной темой. Но мы и не прогнозировали законченность размышлений по данной теме в рамках семинара, мы возвращаемся к проблеме, которая, несмотря на многие попытки ее фундаментального изучения, существовала и будет существовать до неопределенного времени. Будем надеяться, что это надолго». Смелый шаг навстречу открытости и незавершенности процесса — удел отважных. Семинар прошел успешно, оставив свой след не только в сознании его непосредственных участников, но и тех, кто воспринимал его перипетии по материалам отчетов в печати.

А еще Владимир Иванович был мачо! Он любил изящество позиции, он был по-настоящему и по-мужски великодушен, приветлив, шутлив и ироничен! Этот многоученный человек — бесконечно обаятелен на отдыхе и во время застолий, от устройства которых никогда



не отказывался и которые искренне любил как праздник близкого общения. Он часто пользовался минутами отдыха, чтобы поговорить о жизни, рассказать о своей молодости, нередко вспоминал родные липецкие места, в которых вырос и вдали от которых тосковал. Его тянуло к истокам, особенно в последние годы. Один из таких внутренних импульсов однажды завершился великолепной застольной сценкой. Владимир Иванович, уже раскрепощенный и свободный, размышлялся, как он пребывает на родине, поселившись там в маленьком уютном домике, на природе, среди зелени, среди цветущих кустов и деревьев. В его воображении солнце сияло, птицы пели, а хозяйством управляла незаменимая Любовь Васильевна. Мы, благодарные слушатели, мысленно путешествовали с ним. Но Любовь Васильевна только иронично улыбалась. Эхом ее реакции прозвучала реплика: «Владимир Иванович, а как быть, если Любовь Васильевна откажется от вашей задумки?» В углу за столом стояла коляска, а за нею костыли Владимира Ивановича. Но он и глазом не моргнул. Озорно повернулся и, как истинный мачо, ответил: «Ничего! Поселянку возьму!!!» — и через секунду вместе со всеми готов был от хохота упасть на пол.

А еще он рисовал — когда не мог держать в руке кисть или карандаш, пользовался компьютером и рисовал с помощью «мышки». Вот один из великолепных рисунков, присланных нам.







В электронном письме Наталия Георгиевна, описывая впечатление, высказала пожелание, которое, как нам обоим кажется, актуально и сегодня: «Ваша картина очень понравилась. Она и с подтекстом, и с гофмановским флером, при том что индивидуально-творчески – ВАША! У Вас, возможно, уже набирается альбом. Вот бы его напечатать к юбилею (наряду с трудами)!»

В ответ 4 марта 2011 года Владимир Иванович писал по поводу своего маленького шедевра: «Спасибо за "философию", я хотел давно Вам послать это, но все как-то не случилось. Посылаю свою поделку в стиле ЭП (эстетический примитив) и говорю до свидания! Ваш В. Г.».

Эстетическое чувство, стремление избежать штампов проявлялось даже в традиционном праздничном поздравлении, которое часто отправляется между делом, просто как сигнал: «Я вас помню!» Вот одна из присланных им милых поздравительных картинок:



Владимир Иванович был успешным профессором и читал курсы по зарубежной литературе от Античности до XX столетия. Его образованность и эрудиция восхищали. В последние годы московские и питерские издательства с особой охотой рассматривали его фигуру в качестве исполнителя своих научных заказов. Как жаль, что мы не дожили до завершения этого уже начавшегося на наших глазах блестящего этапа в жизни видного филолога и человека на все времена!